

Джон Ло

Объекты и пространства*

Данный текст является частью нашего совместного с Анн-Мари Мол проекта по исследованию пространственности. Это результат почти десятилетнего обсуждения, бесед и совместной работы. Я особенно благодарен Клаудии Кастанеде, Кевину Хезерингтону, Дункану Ло, Дорин Мэйси, Викки Синглтон, Джону Урри и Хелен Веран за обсуждение, поддержку, ободрение и критику.

Введение

Что такое объект? В акторно-сетевой теории (ANT), в исходной ее форме, есть предельно конкретный ответ на этот вопрос. Объекты являются «производными» некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны.

Предложенный акторно-сетевой теорией подход многим обязан постструктуралистской семиотике. Семиотика (в европейском десоссюровском варианте синхронической лингвистики) показывает, что значение всякого слова относительно, то есть, конституировано отношениями различия между данным словом и другими связанными с ним словами. Например, слова «собака» и «кошка». Каждое из этих слов приобретает значение благодаря отличию от другого и каждое из них соотносимо с иными именами: «собака», «кошка», «волк», «щенок» и т.д. Значение слова произвольно (arbitrary), хотя и сильно детерминировано сетью отношений различия. По сути, оно представляет собой результат этих отношений.

Структуралисты, как правило, утверждают, что такая произвольная природа языка открывает нечто универсальное в операциях человеческого мышления. Люди структурируют отношения определенными способами и делают это посредством содержащейся в их головах машинерии. Соответственно, предполагается, что все языки обладают одной и той же «глубинной структурой». В противоположность структуралистскому тезису об универсальности глубинной структуры, постструктурализм провозгласил существование различных, находящихся в процессе становления глубинных структур, создающихся и поддерживающихся в разных социальных ареалах. Данные структуры производят различные типы объектов и различные знания об этих объектах, что хорошо видно на примере предпринятого Мишелем Фуко анализа телесности. В классической эпистеме тело – это арена действия отношений символической власти (проявляющихся, например, в применении пыток), тогда как в современной эпистеме тело превращается в функциональную и (само)дисциплинированную машину, совокупность упорядоченных и продуктивных отношений. Соответственно, Фуко выделяет несколько «глубинных стратегий» упорядочивания таких связей (Фуко, 1999).

Акторно-сетевой подход сходен с подходом Фуко в том, что касается акцентирования значимости материального. Речь, тела, жесты и материалы – вроде зданий, кораблей, самолетов или огнестрельного оружия – все рассматривается как проявление стратегической логики, все участвует в поддержании всего. Все создано отношениями и участвует в их создании. Отличие же акторно-сетевой теории от постструктуралистского подхода состоит в

* Впервые эта работа была представлена автором на конференции «Sociality/Materiality: The Status of the Object in Social Science» (19 сентября 1999 г., Brunel University). Позднее сокращенная версия текста была опубликована в журнале «Theory, Culture and Society» (N5/6, 2002) и на сайте Ланкастерского университета: <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Law-Objects-Spaces-Others.pdf>. Публикуется с разрешения автора (Прим. перев.).

том, что она менее увлечена «границами возможного», установленными современностью (а в некоторых вариантах и вовсе безразлична к данной проблематике). Вместо этого акторно-сетевая теория изучает конкретные стратегии, рекурсивно и продуктивно встроенные в отношения производства объектов, организаций, субъектов и т.п. ANT допускает не один, а множество современных «способов упорядочивания».

Что означает это различие между подходом М. Фуко и акторно-сетевым анализом? Предположим, что объекты действительно представляют собой просто «относительные неопределенности» («контингентности»). Это означает, что способы их образования и то, как приобретают устойчивость сформировавшие их отношения, – вопрос преимущественно эмпирический. В свою очередь, как подчеркивают теоретики акторно- сетевого подхода, вся совокупность возможностей мира ограничена, но ограничена случайным образом, и поскольку Вселенная может явить нам разнообразное множество вещей, способы их упорядочивания не агрегируются в большие эпистемические блоки.

Насколько удачен выбранный нами способ рассуждения? С одной стороны, можно рассматривать вышесказанное как освобождение от мрачной одержимости Фуко границами условий возможного, от его предубеждения против всего, что за последние двести лет незаметно лишило нас свободы посредством логики и стратегии современной эпистемы¹. Однако есть и другая возможность: сказать, что подобное рассуждение – лишь форма слепоты. В таком случае акторно-сетевая теория оказывается вовлеченной в интеллектуальную и политическую борьбу против попыток заглянуть за границы возможного. Найти неоткрытый континент и исследовать затененные, гетеротопичные места – места Иного, которые лежат за пределами сегодняшних возможностей².

Данная работа посвящена этому недостатку «инаковости» (alterity). Мой вопрос таков: *что есть объект, если мы начинаем думать об «инаковости» серьезно?* Здесь я попробую рассмотреть эту тему пространственно или, вернее, топологически. Во-первых, я настаиваю на том, что производство объектов действительно имеет пространственные следствия; и, далее, что пространство не самоочевидно и не единично, но имеются *множественные формы пространственности*. Во-вторых, я предполагаю, что использование объектов само создает *пространственные условия возможности и невозможности*. Пространственности порождаются и приводятся в действие расположенными в них объектами – именно этим определяются границы возможного. (Следуя первому утверждению, стоит упомянуть, что пространственные возможности по своему характеру также множественны.) Существуют различные формы пространственностей; те, о которых говорим мы, включают в себя регионы, сети и потоки. В-третьих, я предполагаю, что эти *пространственности и объекты, которые заполняют и создают их, плохо совместимы, т.е. находятся в напряженных отношениях*. Они Иные по отношению друг к другу. Объектность есть отражение и творение их несовместности, результат переключения различных пространственных возможностей.

Португалцы

В исследованиях, посвященных «науке, технике и обществу» (STS studies), теоретический анализ, как правило, опирается на рассмотрение ряда эмпирических примеров. Для нужд своего анализа мы обратимся к примеру одного крупномасштабного и весьма заметного исторического явления – технологиям португальской колониальной экспансии³.

Как известно, пиренейская мореходная техника – новые корабли и новые практики навигации – играли ключевую роль в колониальном доминировании Европы. Христофор Колумб добрался до Центральной Америки в 1492 году, Васко да Гама достиг берега Индии

¹ Исключительно интересный анализ гетеротопий за пределами ограничений «эпистемы современности» предложен Кевином Хезерингтоном (Hetherington, 1997).

² Подобную критику высказали Ник Ли и Стив Браун (Lee and Brawn, 1994), а также Сьюзен Ли Стар (Star, 1991).

³ Это исследование описано в (Law, 1987).

в 1498. Описание кораблей, использовавшихся в ранние периоды экспансии, позволяет выделить несколько технических особенностей. Эти суда были удобны в управлении (маленькие корабли быстро переоснащались при смене ветра); относительно защищены от abordaja (даже если атакующим удавалось забраться на борт, их встречал смертоносный огонь из укрытий на носу и корме); автономны (благодаря передовым навигационным технологиям, которые позволяли кораблям удаляться на значительное расстояние от земли и пользоваться всеми преимуществами попутных ветров и течений), а также обладали существенными транспортными возможностями и обслуживались немногочисленными командами (то есть, в отличие от гребных кораблей, могли оставаться в море месяцами).

Таким образом, в картине ранней португальской и испанской экспансии особое место занимают огромные корабли – галеоны – уходящие в море, проводящие в плавании до восемнадцати месяцев, возвращающиеся (если возвращающиеся) с грузом специй или награбленного золота. «Если» – потому что, несмотря на успех этой новой мореходной техники, с ее оригинальными кораблями и приспособленными к новым условиям навигационными технологиями, корабли тонули, терялись или их команды умирали от голода и тропических болезней. Как говорили португальцы: «Если хочешь научиться молиться – отправляйся в море».

Акторно-сетевая теория об объектах

С точки зрения акторно-сетевой теории описанная выше технология представляет собой *сеть*, причем сетевой анализ применим к различным уровням ее изучения. Например, корабль может быть представлен в виде сети – сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях⁴.

Выше было упомянуто множество объектов. Аргумент акторно-сетевой теории таков: объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах. Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения, орудия: если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напоравшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом. Корабль определяется своими отношениями с другими объектами, и акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и, в свою очередь, произведены) этой *объектностью*, синтаксисом или дискурсом, определяющими место корабля в сети отношений.

Брюно Латур предложил интересную версию этой истории. Он говорит о *неизменных мобильностях* (Latour, 1990). Корабли представляют собой «мобильности», потому что действительно перемещаются из Лиссабона в Калькутту. А «неизменные» они потому, что сохраняют при этом перемещении свою форму как сетевые единства. Таким образом, сетевая метафора действует в двух направлениях, на двух уровнях анализа, упомянутых выше. Неизменные мобильности, будучи объектами, сами являются сетями, ансамблями отношений. Но они также включены в сеть отношений с иными объектами. Если эта сеть разрывается, корабль перестает быть кораблем, теряет свою сетевую форму, превращаясь во что-то другое.

⁴ Вопрос масштаба здесь особенно значим и требует отдельного рассмотрения.

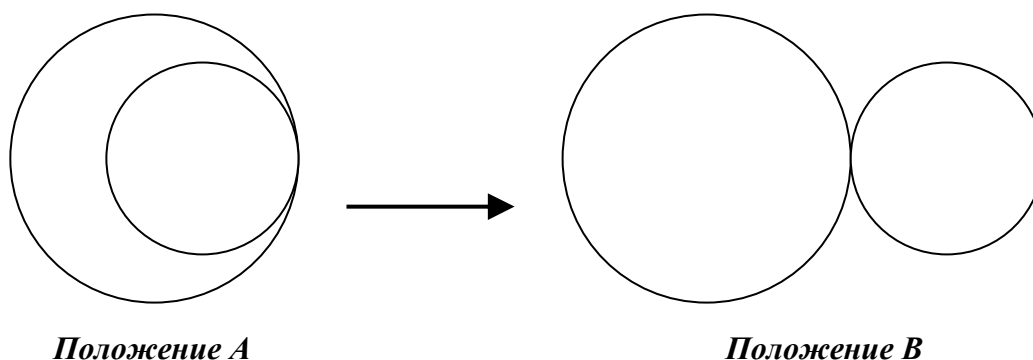
Введение в топологию

Все вышесказанное – пример классического акторно-сетевого анализа. Менее привычна другая идея: конституирование объектов с необходимостью предполагает включение пространственных отношений. Латуровский термин «неизменные мобильности» отсылает к понятию движения – движения через пространство. Мы еще вернемся к этому позже. Пока же отметим, что идея сети (или существования объектов как сетевых единств) пространственно не нейтральна⁵ и указывает на производство определенного типа пространства. Чтобы прояснить этот аргумент, нам потребуется краткое отступление в топологию.

Топология – отрасль математики, изучающая характер объектов в пространстве. Как она работает на практике? Нематематический ответ состоит в том, что топологи изучают пространственность с точки зрения непрерывности фигур. Фигуры сохраняют свойство непрерывности, даже будучи деформированными. В топологии, например, утверждается, что фигура сохраняет непрерывность своей формы, если она сплющена, согнута или растянута, но не в том случае, если она разорвана или сломана. При разрыве или повреждении поверхности она трансформируется, то есть не является более *гомеоморфной*. Например, топологически куб тождественен сфере, они гомеоморфны. Однако обе эти фигуры принципиально отличаются от фигуры бублика, потому что бублик можно получить из шара или куба, лишь проделав в них отверстие. В двумерном пространстве окружность и квадрат гомеоморфны, но отличны от дуги – чтобы получилась дуга, линию, образующую окружность (или квадрат), нужно разрезать.

Приведенные примеры согласуются с тем, что говорит о пространстве европейско-американский здравый смысл: пространство по характеру своему географично, евклидово. Но это обманчивое ощущение, потому что евклидова геометрия описывает лишь одну из пространственных возможностей. Топологи создают и исследуют разные вероятные пространства или (что, впрочем, одно и то же) различные условия, в которых объекты могут быть деформированы без повреждений. Конвенциональный характер этого вопроса станет более очевидным, если мы обратимся к примеру на *Рис. 1*.

Рис. 1. Гомеоморфное или не гомеоморфное преобразование?

Топологически две эти формы не эквивалентны. Потому что если мы захотим преобразовать Положение А в Положение В, нам будет недостаточно одной лишь деформации. Нам придется разрезать большую окружность, чтобы вытащить меньшую «наружу». Следовательно, непрерывность большей окружности будет нарушена, а гомеоморфизм – потерян. Однако это верно лишь в том случае, если мы мыслим в двумерном пространстве и вынуждены проводить свои преобразования на плоскости. Если же мы не ограничены двумя измерениями, то достаточно перекинуть одну окружность через

⁵ Эта идея развита в нашей совместной работе с Анн-Мари Мол. См.: (Mol and Law, 1994).

другую в точке их соприкосновения и Положение А будет преобразовано в Положение В без утраты гомеоморфизма. Непрерывность объекта не пострадает.

Приведенный пример иллюстрирует два интересующих нас аспекта проблемы: во-первых, он показывает, что пространственность – это конвенция; во-вторых, что для адекватного ее описания одной евклидовой геометрии мало⁶. Кроме того, пример с окружностями показывает, как тесно связаны между собой вопросы пространственности и непрерывности объектов. При каких обстоятельствах объект может быть изменен (например, перемещен в пространстве относительно прочих объектов) без трансформации его формы? Этим вопросом занимается топология как область математики, призванная исследовать способности различных фигур к трансформациям (и различные пространства, которые делают эти трансформации возможными). Соответственно, существует множество способов определения того, что будет считаться непрерывностью формы и что – пространством.

Евклидово и неевклидово пространство или «Что такое корабль»?

Как мы отметили выше, для европейско-американского здравого смысла наиболее очевидной формой пространства является евклидово пространство. Фигура здесь мыслится как нечто помещенное в систему координат, образованную тремя ортогональными осями, а объект полагается неизменным, если его координаты в трехмерном пространстве остаются постоянными относительно друг друга. Изменение – например, перемещение объекта с одного места на другое, перемещение относительно других объектов – не означает утраты гомеоморфизма, если только отношение координат остается прежним. Так, корабль остается тем же самым кораблем, если, плавая по морям, сохраняет свою форму как физическое тело. Однако акторно-сетевая теория работает с другой, гораздо менее очевидной формой пространственности. Зададимся вопросом: что составляет непрерывность формы объекта как сетевого единства? *Объект остается тем же самым объектом, пока сохраняет свое место в устойчивой сети отношений с другими вещами.* Следовательно, ответ на данный вопрос: *стабильность порядка отношений.* Чтобы можно было показать пальцем на объект и сказать: «это корабль» (причем, корабль нормально функционирующий): корпус, парус, мачта, снасти, руль, цейхгауз, команда, вода, ветер – все это и многое другое должно сохранять свои *функциональные* связи⁷. Все части должны быть на «своих местах» и делать свою работу. На языке акторно-сетевой теории можно сказать, что все элементы должны быть «включены» (enroll) и оставаться «включенными». Так что нормально функционирующий корабль заимствует силу ветра, легкость течения, энергию команды и все это заключает в себе самом.

Обратите внимание: в евклидовом пространстве корабль есть устойчивая совокупность *ортогональных координат*, описывающих положение кормы, носа, киля, мачты и парусов относительно друг друга; пока корабль плывет, все эти части образуют единое целое. В пространстве сетей корабль также представляет собой устойчивый и непрерывный объект, «сетевую форму», целостность которой зависит от позиций всех релевантных, связанных с ним объектов. Так поддерживается объектная сущность судна. Это означает, что корабли *пространственно или топологически множественны*, т.е. находятся одновременно и в евклидовом пространстве и в пространстве сетевых отношений. Корабли гомеоморфны в каждом из пространств, поскольку сохраняют свою форму в обоих: физически – в одном, функционально или синтаксически – в другом. Однако *перемещаются эти объекты лишь в евклидовом пространстве*, в пространстве сетей они неподвижны. Никакого изменения отношений между компонентами, образующими корабли как объекты, не происходит. А если происходит, значит, что-то не так, значит их сетевая форма

⁶ Те, кто в этом сомневается, могут попробовать представить себе аналогичный пример со сферами вместо окружностей. Может ли малая сфера покинуть пределы большой сферы, не разрывая ее? Да, но только через четвертое измерение!

⁷ Понимание того, как важен концепт «функциональности» в акторно-сетевой теории и некоторых других объяснительных схемах пришло ко мне после бесед с Клаудией Кастаньедой. Я исключительно признателен ей.

«разорвана». В то же время именно неподвижность корабля в сетевом пространстве делает возможным его перемещение в пространстве евклидовом, позволяя ему без повреждений покрывать расстояние между Калькуттой и Лиссабоном.

Такова анатомия латуровского понятия «неизменной мобильности». Неизменность здесь относится к сетевому пространству, тогда как мобильность – атрибут пространства евклидова. Резюмируя, можно сказать, что объекты способны к перемещениям благодаря своей топологической комплексности, благодаря тому, что они существуют одновременно в различных пространственных системах и потому что произведены они как пересечения этих пространственностей. Забегая вперед и рискуя сделать чрезмерно поспешный вывод, уточним данное нами выше определение объекта: *объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях*⁸.

Создание пространственности

Европейско-американскому здравому смыслу свойственно ощущение «вечного евклидова пространства» – кажется, что пространство предшествует объектам и определяет условия их возможности. Мы чувствуем, что пространство появилось задолго до нас, что оно представляет собой нейтральный «контейнер», внутри которого нашим телам (или португальским кораблям) приходится существовать. Отчасти это так. Без сомнения, существуют отдельные пространственные конфигурации, предшествующие некоторым объектам в евклидовом пространстве. Но, как мы отмечали выше, в топологии вопросы пространственности и гомеоморфизма объектов неразрывно связаны. Действительно, топологически объекты и пространства *созданы вместе*. Изобретая объекты и определяя, что в их случае будет считаться неизменностью формы, топология вместе с тем изобретает и определяет пространственные условия их возможности. Однако мы можем развить этот аргумент и за пределами топологии. Объект из нашей повседневной жизни, сформированный, деформированный или перемещенный с сохранением непрерывности формы в евклидовом пространстве, *в то же время* создает это пространство. Или, если сформулировать данный тезис более общо и лаконично, *пространства сделаны с использованием объектов*.

С точки зрения здравого смысла такое утверждение неприемлемо в основном потому, что мы не видим *работы* по производству пространства. Пространственность «осела» в вещах. Если евклидово пространство воспринимается как вечное и неизменное, то представление о пространстве как о пред-существующем контейнере кажется вполне приемлемым. Поверить в создаваемость пространства трудно. Однако здесь – скорее случайно, чем намеренно – акторно-сетевая теория может оказаться полезной. Представить себе создание сети соотносимых друг с другом объектов гораздо легче, чем производство евклидова пространства (уже хотя бы потому, что в производство объектов вовлечена более или менее зримая инженерия). Действительно, это старая территория акторно- сетевого подхода, изначально предназначенного для изучения гетерогенной инженерии сетей, циркуляции неизменных мобильностей, формирования структур отношений, которые гарантируют, что законы Ньютона (как замечает Брюно Латур) будут одинаковы в Лондоне и Габоне (Latour, 1988: 227). Аргумент ANT таков: когда создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы⁹.

⁸ Это заключение может увести нас в область чисто спекулятивных рассуждений. Далее я постараюсь избежать такой спекулятивности, указав, во-первых, на взаимное производство пространств и объектов, во-вторых – на то обстоятельство, что объекты просто не могут быть корректно описаны без должного внимания к их интер-топологическому происхождению.

⁹ Вот почему некоторые теоретики ANT иногда говорят, что ничего не существует вне сети. Впрочем, этот тезис ведет к развитию «сетевого колониализма», утверждению идеи сетевого пространства как первичного, что само по себе неверно.

Сети создают регионы, регионы создают сети

Однако это всего лишь первый шаг. Все гораздо сложнее, поскольку образование сетевых пространств предполагает также производство евклидовой пространственности¹⁰. Отчасти это вполне очевидный аргумент. Объекты (например, корабли), регионы (скажем, страны), измерения расстояний (таких, как расстояние от Лиссабона до Калькутты) *произведены сетевыми средствами*. Например, границы и расстояния произведены исследователями, которые знали, как использовать теодолиты, чтобы измерить углы между тригонометрическими точками, сделать аккуратную запись этих измерений, принести запись в картографический центр, где на основе уже имеющихся измерений и с использованием имеющихся навыков на двумерной поверхности была нарисована карта¹¹.

Анн-Мари Мол как-то заметила, что акторно-сетевой подход представляет собой средство для борьбы с регионами. Если быть более точным, это способ размывания «естественности» региона, разрушения его самоочевидности. Наша задача – показать, что евклидовы условия пространственной возможности или невозможности не даны самим порядком вещей. Напротив, не только сетевые объекты и пространства произведены, но также, по аналогии, и евклидово пространство – есть результат производства. Точнее, результат серии производств устойчивых объектов и параллельного определения гомеоморфизма как неизменности относительных ортогональных координат; результат серии производств, которые хотя бы частично происходят в сетевом пространстве.

Но если сети способствуют образованию регионов, то существуют ли сети «сами по себе», не испытывая обратной зависимости от евклидова пространства? Действительно ли они, как склонны полагать ANT-теоретики, пространственно автономны? Есть несколько оснований для отрицательного ответа на эти вопросы. Например, приводившееся выше утверждение о зависимости сетевого объекта от серии производств в различных и дополнительных по отношению друг к другу топологических системах. (Мы еще вернемся к данному тезису.) Однако более очевидным нам кажется другой аргумент: создание сетевых объектов напрямую зависит от сохранения их гомеоморфизма в евклидовом пространстве.

Вернемся к португальским кораблям. Как мы видели, они представляют собой сетевые объекты, неизменность которых обусловлена своего рода синтаксисом, порядком отношений. Но они *также* являются объектами в евклидовом пространстве. Так или иначе, *корабль может быть целостным сетевым объектом только в том случае, если является неповрежденным евклидовым объектом*. И здесь возникает затруднение. *Чтобы создать объект, гомеоморфный в пространстве сетей, приходится иметь дело с евклидовым пространством*, т.е. создавать объект (в данном случае объект, имеющий форму корабля), чьи относительные евклидовы координаты постоянны.

Каковы следствия этого утверждения? Их два. Во-первых, старый иерархический подход акторно-сетевой теории – якобы пространство сетей и сетевые объекты являются *основанием* евклидовой пространственности и евклидовых объектов – ошибочен. Напротив, отношения между двумя этими типами пространственностей и объектностей двусторонни. Во-вторых, производство объекта в одном пространстве предполагает изменения в другом. Иными словами, как было указано выше, *производство объектов всегда носит мультитопологический характер*, своей «непрерывностью» объекты обязаны пересечению различных пространств.

¹⁰ Этот аргумент развивают не только сторонники акторно-сетевого подхода. Например, см. работы Д. Харви (Harvey, 1989) и Н. Трифта (Thrift, 1996).

¹¹ Все это детально было исследовано в работе (Latour, 1990).

Втулочный насос как «изменчивая техника»*

Пока мы говорили только о евклидовом и сетевом пространствах, но существуют и иные возможности. Для исследования одной из них я прибегну к другому эмпирическому примеру – примеру зимбабвийского втулочного насоса, описанного в образцовой работе Марианны де Лэт и Анн-Мари Мол как феномен *нестабильной техники* (de Laet and Mol, 2000)¹². Нестабильным этот прибор делает размытость и неопределенность его границ:

Что представляет собой зимбабвийский втулочный насос? Устройство для выкачивания воды из земли, получившее наименование по названию самой значимой части своего механизма? Тип гидравлики, «производящей» воду в определенных количествах и из определенных источников? Или санитарное устройство, которое благодаря бетонной плите, опалубке, гравию и обсадным трубам, не позволяет просочиться зараженной и грязной воде? Тогда в «состав» насоса следует включить саму пробуренную скважину, а также все необходимые измерения, инструкции и пробы. Без них насос непригоден. А как быть с местным сообществом? Насос не может существовать вне деревень, поскольку тогда некому будет поддерживать его в рабочем состоянии, может быть, и местное поселение следует добавить к его определению? Тогда, по-видимому, границы определения насоса совпадут с границами Зимбабве: даже по самым скромным меркам зимбабвийский втулочный насос вносит в создание Зимбабве не меньший вклад, чем Зимбабве – в создание втулочного насоса (de Laet and Mol, 2000: 273).

Разве не составные части насоса определяют его объектность и поддерживают его «идентичность»? Однако болты, которыми насос крепится к своему основанию или ручка – к насосу, часто оказываются ненужными. Есть насосы, которые прекрасно без них обходятся. Кожаная изоляция в них с успехом замещается старой крышкой. Возможно, *существует* «устойчивое ядро» насоса – некоторые существенные его части – но это ядро постоянно размывается. «Сущностные» механизмы оказываются несущественными и легко заменимыми.

А если мы рассмотрим насос как устройство, обеспечивающее жителей чистой водой? Это тоже очень неопределенный критерий. Иногда насос качает воду, индекс кишечной палочки в которой менее 2,5 микроорганизмов на 100 мл, но отнюдь не всегда. Порой данный показатель вырастает в десять раз, причем без заметных признаков заболевания среди жителей – все зависит от того, кто использует насос. Или вода может быть «грязной», но все же гораздо чище, чем вода, доступная жителям в близлежащем ручье; тогда мы по-прежнему вправе говорить о «нормально работающем насосе». И опять же если мы не в состоянии зафиксировать бактериологическое загрязнение воды, нашим единственным критерием остается отсутствие заболеваний среди жителей.

Рассмотрение изменчивой природы втулочного насоса может быть продолжено. Получим ли мы искомое «стабилизирующее» определение, если скажем, что насос – это устройство, вовлеченное (как часть государственной зимбабвийской политики) в строительство местных сообществ? Ответ – нет. Часто деревенские общины действительно поощряются к установке на своей территории втулочных насосов, но отнюдь не всегда; насосы конструируются стихийно небольшими группами семей, и, соответственно, не могут рассматриваться как инструмент социальной инженерии зимбабвийского государства. Более того, изменчивость насоса, его «нефиксированность» оказывается важным условием его эффективности: устройство легко трансформируется, приспособляясь к местным условиям. Никакой фиксированной структуры, никакого жесткого определения. Будучи

* Далее для описания этой формы пространственности, отличной как от пространства сетей, так и от евклидова пространства, автор использует понятие «fluid» – термин, которым в физике обозначаются жидкие и газообразные вещества. Дословно: «текущий», в переносном значении – «подвижный», «изменчивый», «нестабильный». Выражения «текущая пространственность» и «пространство потоков» используются автором как синонимичные (*Прим перев.*).

¹² Представленный здесь аргумент впервые был изложен в нашей совместной работе (Mol and Law, 1994), а содержание эмпирического исследования подробно изложено в (de Laet and Mol, 2000). Аналогичную мульти-топологическую аргументацию см. (Law and Mol, 1998).

установленным и используемым, насос непрерывно трансформируется, меняет свою форму, работает различными способами. В этом есть что-то от поведения его изобретателя, который твердо отказывается принять авторство своего изобретения.

Морган – человек, положивший начало этому *распределенному действию*... уверен в необходимости отказа от контроля. Успех внедрения, полагает он, зависит от привлечения тех, кто будет непосредственно использовать внедряемое устройство. Соответственно, нужно расчистить место для их собственных методов и интуиции. В противном случае любое нововведение обречено. Для сферы водоснабжения, говорит Морган, особенно характерно, что все новое и незнакомое попросту не работает, а яркие и сверкающие приспособления превращаются в груды ржавой и бесполезной техники (de Laet and Mol, 2000: 251).

Изменчивая непрерывность

Итак, в евклидовом и в сетевом пространствах втулочный насос – нестабильный объект. Вероятно, его гомеоморфизм утрачивается при постоянных трансформациях. Однако такой вывод ставит нас перед проблемой: действительно ли речь идет о «сломанном» объекте или все же насос сохраняет гомеоморфность, но в некоем ином пространстве? Де Лэт и Мол высказываются в пользу второго решения. Насос как изменчивое устройство является частью (и участвует в производстве) особого типа текучей пространственности – пространства потоков.

Каковы правила преобразования формы в этом пространстве? Каким образом объект сохраняет непрерывность формы в текучем мире? Из примера с насосом мы можем вывести четыре заключения.

- Во-первых, *ни одна конкретная структура отношений не является привилегированной*. Это означает, что текучие объекты сохраняют свою идентичность в процессе образования новых отношений: реконфигурации уже существующих элементов или добавления других. Однако отсюда следует весьма сильное утверждение – в пространстве потоков *изменение* необходимо для сохранения гомеоморфизма. Объекты, которые зафиксированы и стабильны, например, в пространстве сетей оказываются сломанными в текучем пространстве. Они иные по отношению к нему.

- При этом не стоит забывать о непрерывности. Соответственно, наш второй вывод состоит в том, что *отношения, формирующие объект в пространстве потоков, меняются, но не одновременно, а постепенно*. В пространстве изменчивости «топологический разрыв» и утрата целостности происходят не только в случае «застывания» объекта, прекращения всякого его изменения, но и в случае слишком масштабных его трансформаций, которые также разрушают гомеоморфизм. Если все демонтируется одновременно, результатом будет потеря непрерывности формы и идентичности объекта. Возможно, в итоге появится некий иной, альтернативный объект, но он более не будет втулочным насосом.

- В-третьих, из приведенного примера следует, что *граница изменчивого объекта не фиксирована*. Его части могут устраняться и замещаться другими. Невозможно начертать на песке линию (региональная метафора) и сказать, что гомеоморфизм зависит от этой границы. Действительно, установить жесткую фиксированную границу, значит разрушить изменчивый объект, поскольку гомеоморфизм в пространстве потоков зависит от подвижности границ. Ригидное установление «внутреннего» и «внешнего» чуждо текучей объектности.

- Однако при всей их подвижности *границы необходимы для существования объекта в пространстве потоков*. В какой-то момент различия пересиливают, гомеоморфизм утрачивается: объект изменяется слишком сильно и из втулочного насоса превращается, например, в поршневой насос. Или же растворяется в некоем большем объекте, прекращая свое самостоятельное существование. Таким образом, в пространстве потоков не действует принцип «все допустимо» (anything goes). Текучие объекты создаются

практиками, весьма чувствительными к «разрыву», утрате непрерывности. Просто понимание разрыва здесь иное, нежели в сетевом или евклидовом пространстве.

Де Лэт и Мол распространяют такое видение текучего объекта с самого втулочного насоса на его (не)автора Моргана, который отказывается признавать и патентовать свое изобретение. Морган утверждает, что насос был изобретен многократно – во всех местах его разнообразного использования.

Морган создает не-создающего субъекта, растворенное «Я». Не в том смысле, что он сам растворяется и исчезает в пространстве. Распределенным и растворенным оказывается его изобретение. Возможно, его поведение видится нам столь привлекательным, потому что крайне далеко отстоит от поведения современного субъекта, ориентированного на достижение максимального контроля, – субъекта, с легкостью принимающего роль солдата, генерала, завоевателя или любой другой облик сильного и непоколебимого авторитета. Отказаться от контроля, служить людям, прислушиваться к *нга-нга* [шаманам, ищущим воду], смотреть, как изменяется, приспосабливаясь к местным нуждам, твое изобретение – это не поведение суверенного хозяина. Это феминистская мечта об идеальном мужчине (de Laet and Mol, 2000: 251-252)¹³.

Отсюда следует один любопытный вывод. Различие между современным субъектом (кто-то добавит – современным объектом) и несовременным субъектом/объектом показывает, что многие так называемые «потoki» вовсе не принадлежат текучей пространственности. Например, неизменные мобильности, вроде корабля, являются неизменными, потому что сохраняют свою форму одновременно и в сетевом, и в евклидовом пространствах. Они перемещаются («плывут») в евклидовом пространстве, но, к пространству потоков никакого отношения не имеют. Следовательно, многое из того, что говорится о «глобальных потоках»¹⁴ – информации, капитале, людях – также принадлежит сетевому пространству и столь же мало относится к изменчивой поточной пространственности.

Действительно, как мы видели выше, текучие объекты теряют свой гомеоморфизм, будучи закрепленными и зафиксированными; эти объекты выходят за пределы возможного в сетевом пространстве¹⁵. То же касается центров. Краткий эмпирический экскурс. В конце XIX в. во Франции сложилась практика: если вы хотели спасти свою корову от сибирской язвы, вы вынуждены были обращаться в лабораторию Луи Пастера (Латур, 2002). В результате, лаборатория аккумулировала ресурсы, необходимые для того, чтобы закрепить ее неоспоримое превосходство. Таким образом, Институт Пастера – *как объект в сетевом пространстве* – стал центром аккумуляции, его отношения с другими «местами» были закреплены и фиксированы.

Но это именно то, чего стремился избежать Морган! Притом, изобретенный им втулочный насос пользуется немалым успехом. Просто его успех не приносит прибыли и вознаграждений одному конкретному человеку. Нет стратегического местоположения, где аккумулируются ресурсы, – нет центра и периферии¹⁶. Морган действительно «субъект пространства потоков»: как и изменчивые объекты, он находится вне сетевых ограничений. А потому он более или менее непонятен. Иной.

¹³ Для Мол и де Лэт идеальный мужчина – это «человек потока». Нежелание Моргана капитализировать собственное имя контрастирует с той беспардонной централизацией, которую некогда предпринял Луи Пастер, превративший свою лабораторию в «точку обязательного прохождения» для всех желающих получить вакцину против антракса. Подробнее об этом см. (Latour, 1988).

¹⁴ Пожалуй, наиболее яркий пример подобных описаний можно найти в работах Кастельса (Кастельс, 1999).

¹⁵ Этот аргумент был впервые изложен в работе (Mol and Law, 1994).

¹⁶ К этому тезису многое может быть добавлено. Несомненно, стратегии гибкой аккумуляции [которые обнаруживают современные капиталистические отношения] демонстрируют нам связь объектов, существующих одновременно в сетевом пространстве и пространстве потоков – это не просто вопрос перемещения неизменных мобильностей. Но зверю капитализма нужна берлога, капиталистические отношения должны где-то аккумулироваться – даже если это «где-то» перемещается в евклидовом (и даже в сетевом) пространстве. Более подробно данная дискуссия изложена в (Law and Hetherington, 2000).

Пересечения

Анализ примеров заставляет нас перейти от описания отдельных пространственностей к вопросу об их пересечении. Выше мы предположили, что объекты существуют и сохраняют непрерывность формы в нескольких различных пространственных системах, и, как следует из рассмотренных примеров, текучесть часто чужда пространству сетей. Но как, в таком случае, должны мыслиться пересечения пространственностей?

Чтобы серьезно разобраться в этом вопросе, одной статьи недостаточно. А потому здесь я ограничусь четырьмя краткими замечаниями, касающимися пересечения пространств сетей и потоков.

1. Поскольку сетевые объекты имеют свойство превращаться в объекты текущие, следует избегать излишней романтизации изменчивости. От сетевых объектов нелегко (если вообще возможно) избавиться. Нормально функционирующий объект иногда должен принимать форму сетевого объекта: здесь, конечно, вспоминаются португальские корабли, но даже втулочный насос обладает ядром устойчивых сетевых отношений – отношений вертикальных труб, рычагов, клапанов, шатунов и т.д. Насос также существует в евклидовом пространстве и создает это пространство. Как прочие объекты, он возникает на пересечении гомеоморфных отношений в нескольких топологических системах. Короче, даже в изменчивом мире потоков *сеть играет исключительно важную роль*.

2. И наоборот, сетевые объекты и реалии *зависят от изменчивости пространства потоков*. Например, приведенное выше сетевое описание португальских кораблей, очевидно, неполно – оно оставляет за скобками всю «специальную изменчивость» корабельной техники, необходимую для того, чтобы удержать корабль на плаву в течение восемнадцатимесячного путешествия в Индию и обратно. Иными словами, сетевой гомеоморфизм, обнаруживаемый исследователем в любом центре аккумуляции, скрывает бесконечное многообразие случайных, текучих, ситуативных изменчивостей.

3. Отсюда следует, что такая «работа потоков» часто остается *невидимой*: она просто не гомеоморфна в пространстве сетей и потому неопишима. Сети произведены неизменными мобильностями (которые, в свою очередь, произведены сетями) – товарами, дисциплинированными исполнителями и особенно данными, прочно связанными друг с другом в узловом центре сети, центре аккумуляции. Сетевая пространственность зависит от сетевых объектов, сохраняющих целостность благодаря порядку (аналогичному синтаксису) постоянно выполняемых функций. Следовательно, то, что не произведено в рамках такого инвариантного функционального синтаксиса, *вообще не может быть представлено ни в каком узловом центре сети*. Говоря метафорически, изменчивость «протекает» сквозь сеть.

4. В тех же случаях, когда объекты/субъекты, принадлежащие пространству потоков, становятся различимыми в сетевом пространстве, они выглядят опасно *неопределенными, нечеткими и размытыми*. В отличие от Пастера, Морган не производит впечатления человека, чьи действия организованы и взаимосвязаны. Специалисты сферы здравоохранения, бухгалтеры, архитекторы, люди с улицы – все они смотрятся так, будто им не удается выдержать требования соответствующего протокола: медсестры самостоятельно проводят операции, матери не укладывают своих детей спать на спине, лаборанты пренебрегают инструкциями, стрелочники на железнодорожных станциях выполняют свои обязанности спустя рукава¹⁷. Наша гипотеза такова: сети поддерживают гомеоморфизм включенных в них объектов, и все, что препятствует его поддержанию – в том числе описанная выше изменчивость, – становится одновременно видимым и чужим, распознается как вероятность утраты сетевого гомеоморфизма и, следовательно, как угроза.

Заключение

Топология создает пространства посредством установления правил, правила дают ответ на вопрос «что именно следует считать гомеоморфным объектом?». Число возможных

¹⁷ Примеры из области здравоохранения заимствованы из работ В. Синглтон (Singleton, 1998), (Singleton, 2000). Случай стрелочников исследован в работе (Law and Mol, 2002).

правил (и, соответственно, возможных пространств) не ограничено. Акторно-сетевая теория настаивает на пространственном понимании объектов и объектном понимании пространств, населенных и созданных этими объектами. Отсюда напрямую следует отказ от реификации евклидова пространства, указание на взаимное производство пространств и объектов. Некоторые версии акторно-сетевой теории нацелены на установление граничных условий пространственной (и политической) возможности¹⁸. Анализ изменчивостей, напротив, указывает на то, что гомеоморфные объекты в пространстве потоков одновременно сопротивляются условиям сетевой пространственности и поддерживают ее. Способы, которыми они это делают, кажутся беспорядочными, неорганизованными и далекими от совершенства, но выглядят они так лишь в перспективе сетевого пространства. Зачастую изменчивые формы представляются «ошибкой сети»: мол, если бы их удалось вернуть к сетевой организации, вещи были бы лучше. Таково распространенное заблуждение.

Цель настоящей статьи – денатурализация сетевого пространства и сетевых объектов, как созданных, производных, и фокусировка на топологически множественных объектах, существующих в качестве пересечений или точек интерференции различных пространств – регионов, сетей и потоков. В частности, я предположил, что объекты могут быть поняты как пересечения между различными определениями непрерывности формы: евклидовой, сетевой и текучей.

Наконец, я попытался предложить пространственное понимание инаковости. Вопреки тому, что обычно говорится и делается, существуют объекты и пространства, лежащие за пределами сетей. Я хотел бы закончить свой текст утверждением: пространственные системы *политически не нейтральны*. Они являются политическими, потому что создают объекты и субъекты определенного вида и с определенным типом гомеоморфности. Потому что устанавливают пределы условиям возможности объектов. Потому что формулируют запреты на те или иные формы «инаковости». И потому что (как в случае с сетевым пространством) стремятся эти «инаковости» устранить. Сети, таким образом, воплощают и производят «политическое», замаскированное под «функциональное».

В то же время сетевая пространственность не может быть отринута, скорее – осажена или умерена. Следствием этого станет понимание текучей пространственности как потоков, воплощающих и производящих альтернативную политику целостности объектов – политику, не привязанную к функциональности, централизации, синтаксической стабильности или капитализации. Как мы видели, эта политика чужда сетевой пространственности, она *Иная* по отношению к ней. Именно поэтому, в порядке свершения политического выбора, следует исследовать объекты в их пространственной множественности и инаковости, создать и артикулировать альтернативные пространственности, и, в частности, реабилитировать изменчивость пространства потоков.

Литература

- Кастельс, Мануэль* (1999) Становление общества сетевых культур. Антология // Новая постиндустриальная волна на Западе /Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: 1999.
- Фуко, Мишель* (1999) Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Латур, Брюно* (2002) «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» // Логос № 5-6 (35) С. 211-241.
- de Laet, Marianne, and Annemarie Mol* (2000) 'The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology', *Social Studies of Science* 30: 225-63.
- Haraway, Donna* (1994) 'A Game of Cats Cradle: Science Studies, Feminist Theory, Cultural Studies', *Configurations* 1: 59-71.
- Harvey, David* (1989) *The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.

¹⁸ Более подробно об этом см.: (Haraway, 1994), (Strathern, 1996), а также работы в сборнике (Law and Hassard, 1999).

- Hetherington, Kevin* (1997) *The Badlands of Modernity: Heterotopia and Social Ordering*. London: Routledge.
- Hetherington, Kevin, and Rolland Munro* (eds) (1997) *Ideas of Difference: Social Spaces and the Labour of Division*. Oxford: Blackwell.
- Latour, Bruno* (1988) *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.
- Latour, Bruno* (1990) 'Drawing Things Together', pp. 19-68 in Michael Lynch and Steve Woolgar (eds), *Representation in Scientific Practice*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Law, John* (1986) 'On the Methods of Long Distance Control: Vessels, Navigation and the Portuguese Route to India', pp. 234-263 in John Law (ed.), *Power, Action and Belief: a new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Paul.
- Law, John* (1987) 'Technology and Heterogeneous Engineering: the Case of the Portuguese Expansion', pp. 111-134 in Wiebe E. Bijker, Thomas P. Hughes, and Trevor Pinch (eds) *The Social Construction of Technical Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Law, John and John Hassard* (eds) (1999) *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell.
- Law, John and Kevin Hetherington* (2000) 'Materialities, Spatialities, Globalities', pp. 34-49 in John Bryson, Peter Daniels, Nick Henry and Jane Pollard (eds) *Knowledge, Space, Economy*. London: Routledge.
- Law, John and Annemarie Mol* (1998) 'Metrics and Fluids: Notes on Otherness', in Robert Chia (ed.) *Organised Worlds: Explorations in Technology, Organisation and Modernity*. London: Routledge.
- Law, John and Annemarie Mol* (2001) 'Situating Technoscience: an Inquiry into Spatialities', 19: 609-621.
- Law, John and Annemarie Mol* (2002) 'Local Entanglements or Utopian Moves: an Inquiry into Train Accidents', pp. 82-105 in Martin Parker (ed.) *Utopia and Organization*. Oxford: Blackwell.
- Lee, Nick, and Steve Brown* (1994) 'Otherness and the Actor Network: the Undiscovered Continent', *American Behavioural Scientist*, 36: 772-790.
- Mol, Annemarie, and John Law* (1994) 'Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology', *Social Studies of Science*, 24: 641-671.
- Singleton, Vicky* (1998) 'Stabilizing Instabilities: the Role of the Laboratory in the United Kingdom Cervical Screening Programme', pp. 86-104 in Marc Berg and Annemarie Mol (eds) *Differences in Medicine: Unravelling Practices, Techniques and Bodies*. Durham, NC.: Duke University Press.
- Singleton, Vicky* (2000) 'Made on Locations: Public Health and Subjectivities', submitted.
- Star, Susan Leigh* (1991) 'Power, Technologies and the Phenomenology of Conventions: on being Allergic to Onions', pp. 26-56 in John Law (ed.) *A Sociology of Monsters? Essays on Power, Technology and Domination*. London: Routledge.
- Strathern, Marilyn* (1996) 'Cutting the Network', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2: 517-535.
- Thrift, Nigel* (1996) *Spatial Formations*. London: Sage.

Перевод с английского Виктора Вахштайна